

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Когда ручки спускаются с гор

Субкоманданте Маркос

28 мая 1994 г.

Субкоманданте Маркос
Когда ручки спускаются с гор
28 мая 1994 г.

Антология современного анархизма и левого
радикализма, т. 2 ISBN 5-98042-006-1, источник онлайн
https://www.tiwy.com/pais/mexico/subcomandante_marcos,
Перевод Олега Ясинского, Чили.

ru.theanarchistlibrary.org

Мы полностью окружены, «героически» сопротивляясь урагану реакций, последовавших в результате событий 15 мая¹. К «пасущим» нас самолётам теперь добавляются вертолёты. Повара жалуются, что им не хватает кастрюль, если все эти пташки упадут одновременно. Суперинтендант сообщает, что на одно хорошее асадо² дров хватит, и почему бы нам не пригласить какого-нибудь аргентинского журналиста; аргентинцы — доки по части асадо. Я на момент задумываюсь и понимаю, что это бесполезно: лучшие аргентинцы — партизаны (например, Че), или поэты (например, Хуан Хельман), или писатели (например, Борхес), или художники в мировом смысле (например, Марадона), или хронопы (конечно, Кортасар), но нет арген-

¹ 15 мая сапатистскую казарму посетил кандидат от Революционно-демократической партии Мексики Куаутемок Карденас. — *Прим. пер.*

² Южноамериканское блюдо: мясо, жаренное на решётке. — *Прим. пер.*

тинцев — специалистов по жарке дюралюминия. Кто-то наивный предлагает подождать маловероятных гамбургеров от Европейского экономического сообщества. Вчера мы съели пулэт и два микрофона, на вкус прогорклые, как будто испорченные. Санитары вместо обезболивающего раздают листки с анекдотами, говорят, что смех тоже лечит. Вчера я застал Тачо и Мой рыдающими... от смеха. Я их спросил: «Чему смеётесь?» Они не смогли мне ответить — от хохота им не хватало воздуха. Одна санитарка с грустью объяснила: «Дело в том, что у них сильно болит голова». 136-й день окружения... (Вздых)...

И вдобавок ко всему Тоньита просит рассказать сказку. Я рассказываю ей сказку, которую рассказал мне старик Антонио, отец другого Антонио, о ветре, который поднимается в Чьяпас:

«Когда мир спал и не хотел просыпаться, великие боги собрались на совет и решили создать мир и в нём — мужчин и женщин. И захотели боги, чтобы люди, которых они создадут, были очень красивыми и жили долго, и создали они первых людей из золота. Довольны остались боги, потому что люди, которых они создали, все сверкали и были сильными. Но потом боги увидели, что люди из золота никуда не двигались, никогда никуда не ходили и не работали, потому что люди из золота были очень тяжелы. И тогда вновь собрались боги, думали-гадали, как тут быть, и решили они создать других людей и сделали их из дерева, и люди эти были цвета дерева. И люди эти были цвета дерева и работали много, и ходили много. И снова обрадовались боги, потому что человек уже ходил и работал, и уже было собрались они идти это отпраздно-

сти, в неимении спутника, чтобы следить за дебатами в прямой трансляции, в том, что у нас нет подписки на основные газеты и журналы, чтобы узнавать о последовательных оценках, в нелюбезности, в невежливости, в страдании «горной болезнью», в нераспознавании возможных союзников, в сектанстве, в неуступчивости, в ворчливости. Можно обвинять нас во всём, кроме непоследовательности...

Ладно, помните, что единственное, что бы смогли — это приделать курок к надежде.

Привет, и оставьте обиды праздным карликам.
Обнимаем вас с этой стороны окружения.

Неуместный и навязчивый Суп,
готовясь чихнуть

— Прим. пер.

вать, как вдруг заметили, что люди из золота заставляли людей из дерева носить их на себе и работать на них.

И увидели боги, что это нехорошо, и опять собрались искать выход, и на этот раз решили они создать людей из маиса, людей хороших, настоящих мужчин и женщин. Создали они их и ушли спать. И пришлось людям из маиса, настоящим мужчинам и женщинам, учиться самим решать вопросы, потому что боги отправились спать. И заговорили люди из маиса на настоящем языке, чтобы договориться между собой, и ушли они в горы, чтобы искать хороший путь для всех людей».

Старик Антонио рассказал мне, что люди из золота были богатые, их кожа была белого цвета, а люди из дерева — бедные, со смуглой кожей, что всегда они работали на людей из золота и носили их на себе, и что люди из золота и люди из дерева ждут прихода людей из маиса, первые — со страхом, а вторые — с надеждой. Я спросил старика Антонио, какого цвета кожа у людей из маиса, и он показал мне много сортов маиса, у которого много разных цветов. И сказал он, что кожа может быть любого цвета, никто этого точно не знает, потому что у людей из маиса, настоящих мужчин и женщин, нет лиц...

Умер старик Антонио. Я познакомился с ним 10 лет назад в одной дальней общине, находящейся в глубине сельвы. Курил он как паровоз, и когда у него заканчивались сигареты, он просил у меня табачку и вертел самокрутки. Он с любопытством посматривал на мою трубку, но когда однажды я попытался предложить ему её, он показал мне свою самокрутку, давая понять, что предпочитает курить по старинке. Пару лет назад, в 1992 году, когда мы обходи-

ли общины, проводя собрания, чтобы решить, начинать эту войну или нет, я попал в селение старика Антонио. В дороге меня догнал его сын, и мы вместе долго шли через пастбища и плантации кофе. Пока община спорила о войне, старик Антонио взял меня за руку и повёл к реке, метрах в ста южнее центра селения. Стоял май, и река с полупересохшим руслом была зелёной. Старик Антонио молча сел на бревно. Через несколько минут он заговорил: «Ты видишь? Всё спокойно и тихо. Кажется, ничего не происходит...». «Ммм», — сказал я, зная, что он не ждёт от меня ни «да», ни «нет». Потом он указал мне на вершину ближайшей горы. Там собирались густые серые тучи, и молнии разрывали туманную синеву холмов. Это была настоящая буря, но она казалась такой далёкой и безобидной, что старик Антонио начал сворачивать самокрутку и искать зажигалку, которой у него не было, просто чтобы дать мне время протянуть ему свою. «Когда внизу всё спокойно, в горах начинается гроза, ручьи набирают силу и спускаются в долину», — сказал он после глубокой затяжки. В сезон дождей эта река превращается в чудовище, в коричневую плеть, в землетрясение, в могучую силу. Её мощь — не из капель дождя, падающих на берега, её питают ручьи, спускающиеся с гор. Разрушая всё на своём пути, река воссоздаёт землю, её воды станут маисом, фасолью и хлебом на равнинах сельвы.

«Так и наша борьба, — говорит старик Антонио мне и себе. — Сила рождается в горах, но пока она не спустится вниз, её не видно». И, отвечая на мой вопрос, считает ли он, что пришло уже время начинать, добавляет: «Наступило время, чтобы цвет реки изменился...» Старик Антонио замолкает и встаёт, опираясь на моё плечо. Возвращаемся медленно. Он говорит мне: «Вы — ручьи, мы — река... Теперь вам пора спускаться...» Наступает тишина, и в укрытие мы возвращаемся уже в сумерках. Вскоре приходит

ния, спрашивают, учитывать ли Амалию, двадцати пяти лет от роду, мать семерых детей, которой стало «нехорошо» в 6 часов вечера сто двадцать пятого дня окружения, у неё начался озноб, понос, рвота и кровотечение между ног, и в 12 ночи нам сообщили об этом и попросили вызвать скорую помощь, и на скорой помощи нам сказали, что они не могут, и в четыре утра мы достали бензин и повезли её на разваливающемся на ходу трёхтонном грузовике в наш лазарет, и всего 100 метров не доехав до лейтенанта Элены, она сказала: «Я умру» — и сдержала своё слово, и в 98 метрах от смуглого лица Элены она умерла, кровь, и жизнь вышла из неё между ног, и я спросил, точно ли, что она мертва, и Елена мне сказала, что да, что она умерла «сразу», и утром сто двадцать шестого для окружения вторая дочь Амалии увидела смерть на носилках из веток и тростника и сказала своему папе, что пойдёт попросить немножко посоля⁴ в одном из домов, потому что «мама больше не сможет». Спрашивают, в счёт ли девочка из Ибарры, которая умерла «просто от кашля». Все заняты подсчётами, кто-то пользуется калькулятором, захваченным в муниципальном дворце Окосинго. Все только этим и заняты, когда Хуана просит учесть старика Антонио, «который умер от печали». Потом Лоренсо начинает требовать, чтобы не забыли его сына, «который умер от ночи». По радио перечисляют имена умерших — умерших «сразу». Потом вдруг застывают с калькулятором-ручкой-карандашом-мелом-палочкой-ногтем и в недоумении смотрят друг на друга, запутавшись, не зная, складывать... или вычитать...

О верховных или возвысившихся. Чудесно, самокритика всегда своевременна.

И наконец — нас могут обвинять в неуместности, в недооценке корреляции сил, в политической неповоротливо-

---

⁴ Мексиканский напиток из кукурузной муки, какао, сахара и воды.

любой Мексики, партизан в Мексике конца XX века, ба-
стующий на любом предприятии, репортёр, пишущий для
заполнения лишнего пространства, мачист в феминист-
ском движении, одинокая женщина в метро в 10 вечера,
пенсионер на лестнице Сокало, безземельный крестьянин,
маргинальный издатель, безработный рабочий, врач без
кабинета, несогласный студент, диссидент в неолиберализ-
ме, писатель без книг и читателей и, конечно, — сапатист
на юго-востоке Мексики. В конце концов, Маркос — лю-
бой человек в любом из мест этого мира. Маркос — это
все нетерпимые, подавляемые, эксплуатируемые, сопро-
тивляющиеся меньшинства, заявляющие своё «хватит!».
Все меньшинства в момент слова и большинства во время
своего молчания и терпения. Все нетерпимые в поисках
слова, нашего слова, которое вернёт нам, вечным разоб-
щённым, способность стать большинством. Маркос — это
всё то, что неудобно для власти и для «благомыслия».

Не за что, господа из Генеральной прокуратуры, всегда
готов служить вам... свинцом.

P.P.S. Для Революционно-демократической партии. На-
счёт логики мёртвых. Товарищи прочитали, что «у нас боль-
ше потерь, чем у САНУ», и сразу же занялись подсчётами.
Вот уже больше десяти лет, как они блуждают в ночи по
старым и новым тропам, разыгрывая между собой заса-
ды «на бандитов», носят на себе тяжесть наших четырёх
букв и складывают и умножают. Товарищи говорят, что в
деле подсчёта мёртвых их нет равных. «Как раз в этом мы
натренированы очень даже хорошо», — говорит Габино.
Обостряется спор между «тенденциями» САНУ: наиболее
радикальные предлагают вести отсчёт от времени, когда
испанцы начали, как зверей, загонять их в леса и горы,
более умеренные и осторожные предлагают начать с мо-
мента создания САНУ. Некоторые спрашивают, включать
ли в счёт погибших в результате 136 дней и ночей окруже-

сын Антонио с резолюцией собрания, гласящей примерно
следующее:

«Мужчины, женщины и дети собрались в школе
общины, чтобы заглянуть себе в душу и уви-
деть, пришло ли время начинать войну за сво-
боду, и разделились все на три группы, то есть
на группы мужчин, женщин и детей, чтобы об-
судить это, и потом мы опять собрались в шко-
ле, и большинство думает, что война должна
уже начинаться, потому что Мексика продана
иностранцам, и кругом голод, но это неправда,
потому что мы всё ещё не мексиканцы, и к это-
му согласию пришли 12 мужчин, 23 женщины
и 8 детей, потому что правильны их мысли, и
подписали его те, кто умеет, а кто не умеет —
тот приложил свой палец».

На следующее утро я покинул это селение. Старика Ан-
тонио не было: ещё раньше он ушёл к реке.

В следующий раз я встретил старика Антонио два меся-
ца назад. Увидев меня, он не произнёс ни слова, а я присел
возле него и начал ковыряться в кукурузных початках. Че-
рез какое-то время он сказал мне: «Выросла река». «Да», —
ответил я. Я объяснил сыну Антонио вопрос с консульта-
цией и передал ему документы с нашими требованиями
и ответом правительства. Мы поговорили о том, как он
выбрался из Окосинго, и опять рано утром я отправился
назад. За одним из поворотов старой дороги меня ждал
старик Антонио, я остановился возле него и снял рюкзак,
чтобы угостить его табаком. «Сейчас - нет», — сказал он
мне, отводя мне протянутую руку с кисетом, и увёл меня к
подножию сейбы. «Ты помнишь, что я говорил тебе о гор-
ных ручьях и реке?» — шёпотом спросил он. «Да», — тоже

прошептал я в ответ. «Я не всё тебе сказал», — добавляет он, глядя на пальцы своих босых ног. Я молчу. «Ручьи...» — он начинает говорить, но останавливается из-за приступа кашля, который овладевает им, потом немного восстанавливает дыхание и пытается продолжить: «Ручьи... когда спускаются». Новый приступ кашля заставляет меня позвать из колонны санитаря, но старик отказывается от помощи товарища с красным крестом на плече; санитар смотрит на меня, и я жестом прошу его удалиться. Старик Антонио ждёт исчезновения вдалеке рюкзака с лекарствами и в полумраке продолжает: «Ручьи... когда спускаются... уже не могут вернуться... разве что под землю». Он быстро обнимает меня и быстро уходит. Я остаюсь, глядя, как удаляется его тень, закуриваю трубку и надеваю рюкзак. Уже сидя на лошади, я вспоминаю эту сцену. Не знаю, почему (было очень темно), но старик Антонио... мне показалось, что он плакал...

Только что мне пришло письмо от сына старика Антонио с резолюцией деревенской общины в ответ на правительственные предложения. Сына Антонио пишет, что его отцу неожиданно стало плохо, он не захотел, чтобы мне об этом сообщали, и этой же ночью умер. Сын Антонио пишет, что когда ему советовали связаться со мной, старик Антонио ответил: «Нет, я ему уже сказал всё, что должен был сказать... Теперь оставьте его, сейчас у него много работы...»

Когда я закончил сказку, шестилетняя Тоньита с истончённым кариесом зубками, торжественно сообщила меня, что любит меня, но больше не будет со мной целоваться, потому что «очень колется». Роландо говорит, что, когда её ведут к доктору, она всегда спрашивает, будет ли там

---

³ Одно из прозвищ Маркоса, происходящее от «субкоманданте». — Прим. пер.

Суп³. И если её отвечают, что будет, она отказывается идти в наш лазарет. «Потому что Суп хочет только целоваться и очень колется», — заявляет по эту сторону окружения неумолимая шестилетняя логика по имени Тоньита с истончёнными кариесом зубками.

Природа начинает намекать на приближение первых дождей. Какое облегчение! Мы уже думали, что для того чтобы получить воду, придётся ждать машин для разгона демонстраций.

Ана Мария говорит, что дождь — от туч, которые дерутся высоко в горах. Они поступают так, чтобы люди не были свидетелями этой брани. Свой бой тучи начинают на вершинах тем, что мы называем громом и молниями. Во всеоружии неисчислимы силы, тучи дерутся за право умереть в дожде, чтобы напоить землю. Так и мы, без лица, как тучи, как они безымянные, безо всякого расчёта для себя... как и они, мы боремся за право стать семенем в земле...

Ладно. Здоровья и хорошей клеёнки (для дождей и демонстраций).

С гор юго-востока Мексики, Субкоманданте Маркос

P.S. БОЛЬШИНСТВО, ПРИТВОРЯЮЩЕЕСЯ НЕТЕРПИМЫМ МЕНЬШИНСТВОМ.

Насчёт всего того типа гомосексуалист ли Маркос: Маркос — гей в Сан-Франциско, негр в Южной Америке, азиат в Европе, чикано в Сан-Исидоро, анархист в Испании, палестинец в Израиле, индеец на улицах Сан-Кристобаля, беспризорник в Несе, рокер в деревне, еврей в Германии, омбудсман в Седене, феминист в политических партиях, коммунист после «холодной войны», заключённый в Синталлапе, пацифист в Боснии, мапуче в Андах, учитель из профсоюза, художник без галереи и мольберта, домохозяйка в субботу вечером в любом округе любого города